

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СПЕЦИФИКИ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН-УЧАСТНИЦ

Л.Б. Вардомский, М.О. Тураева*

Проанализированы особенности экономических моделей стран ЕАЭС в контексте их вовлеченности в евразийскую интеграцию. Выявлены различия интересов государств в интеграционном проекте, обусловленные их уровнем развития и управления экономикой, пониманием задач национального развития и своего места в быстро меняющемся мире. Раскрыты успехи и возникшие проблемы. Выдвинуты предложения об усилении социальной направленности евразийской интеграции и более широком использовании центрального положения ЕАЭС в географической Евразии, который в обозримом будущем может превратиться в платформу устойчивого взаимодействия государств, национальных сообществ и бизнеса.

Ключевые слова: ЕАЭС, интеграция, барьеры, модель экономики, ЕС, санкции, институты, геополитика, санкции.

JEL-классификация: E02, F02, F53, N24, P52.

DOI: 10.46782/1818-4510-2021-3-15-28

Материал поступил 6.04.2021 г.

При разработке интеграционного проекта неизбежно приходится учитывать социально-экономическую и культурную специфику заинтересованных в нем стран и то, как данный проект будет сопрягаться с моделями развития экономик, сложившимися в каждой из стран-участниц. В моделях учитываются располагаемые странами факторы производства, исторически сложившиеся производственные компетенции, с одной стороны, и институты, которые, в представлении регулятора, обеспечивают более эффективное их использование – с другой. Создаваемые модели национального развития ориентируются на достижение определенных экономических и социальных целей, в основе которых лежат текущие и стратегические интересы стран. Интеграционные проекты в этой связи следует рассматривать как инструмент достижения национальных целей развития (Вардомский, Тураева, 2020).

История ЕС показывает, что на начальном этапе формирования европейской интег-

рации последняя рассматривалась как один из инструментов достижения целей национального развития стран-основателей. Но со временем, по мере того как европейская интеграция становилась ведущим фактором развития стран-участниц, углубление интеграционного процесса превращалось в главную цель их развития. Для стран Центрально-Восточной Европы вступление в Евросоюз создавало рамочные условия для догоняющего развития, но ценой утраты значительной части национального экономического суверенитета (Глинкина, Куликова, Синицина, 2014). Национальные идеи развития в этих условиях растворялись в идеях расширения и углубления евроинтеграции.

После масштабного расширения в 2004 г. и кризиса 2007–2009 гг. связь между интеграцией и экономическим ростом стран-участниц стала ослабевать. При высокой концентрации управленческих решений на наднациональном уровне в ряде стран ЕС возникли опасения по поводу своей национальной идентичности, что в концентрированном

* Вардомский Леонид Борисович (wardom@yandex.ru), доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН (г. Москва, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-9508-5945>;

Тураева Мадина Октамовна (m.o.turaeva@gmail.com), доктор экономических наук, Институт экономики РАН (г. Москва, Россия). <https://orcid.org/0000-0002-7666-6509>

виде выразилось в выходе Великобритании из самого успешного в мировой истории регионального интеграционного проекта. ЕС в настоящее время, по оценке А. Миллера и Ф. Лукьянова, погрузился в «многокомпонентный внутренний кризис» (Миллер, Лукьянов, 2017)¹.

ЕАЭС находится на начальном этапе своего развития. Для стран-учредителей евразийская интеграция сегодня – это способ укрепления национальных экономик, создания дополнительных возможностей для их развития. Это вытекает из целей Союза, записанных в Договоре о его учреждении: создание условий для развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня населения, стремление к формированию единых рынков в рамках Союза, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик.

В основе модели евразийской интеграции лежала практика ЕС, которая в ходе практического воплощения сильно отошла от прототипа (Вертинская, 2020). Либеральная основа европейской интеграции в конкретных условиях постсоветских стран-участниц оказалась применима лишь в ограниченной степени, поскольку страны-участницы сильно различаются по уровню либерализации национальной экономики. В ЕАЭС необязательна унификация национальных институтов госуправления, она предполагает большое число изъятий из таможенных установлений и сохранение большого числа нетарифных ограничений для взаимной торговли, при обязательном членстве в ВТО и членстве в ней на разных условиях. Еще одним важным отличием ЕАЭС от ЕС являются то, что Россия стремится укрепиться в статусе великой мировой державы, а ее партнеры – сохранить суверенитет и обеспечить догоняющее развитие на основе широкого использования внешнеэкономических связей.

Созданные институты ЕАЭС, по существу, представляют собой баланс между объективной необходимостью интеграции и объективными же ограничениями для нее, обусловленными несовпадающими интере-

сами стран-участниц. Причины этих несовпадений определены экономической (Гурский, 2018) и политической спецификой участвующих в ней государств, особенностями их геополитического и геоэкономического положения и возможными альтернативами в международном экономическом сотрудничестве для обеспечения устойчивого развития и безопасности.

Россия и ее экономическая модель

Отличия ЕАЭС от ЕС в большой мере обусловлены бесспорным экономическим доминированием России. Население России в 4 раза больше, чем суммарное население остальных членов Союза. По ВВП ее превосходство составляет около 7 раз. Это предопределяет важность российского рынка для сбыта товаров и услуг стран-партнеров. Одновременно Россия для них – главный поставщик критически важных товаров.

В силу размеров своей экономики Россия является стержнем евразийского интеграционного процесса, который составляет система ее двусторонних связей с партнерами по ЕАЭС. Взаимные связи других стран-участниц в целом незначительны. В 2020 г. на РФ пришлось 62% взаимного экспорта и 36% взаимного импорта. Положительное сальдо торговли России с другими странами Союза в 2020 г. составило 14,7 млрд долл. США, это свидетельствует об асимметричной взаимодополняемости структур их экономик. Следует подчеркнуть, что транспортная сеть России обеспечивает большую часть не только взаимных торговых связей стран ЕАЭС, но и их связей с внешним миром (Вардомский, Тураева, 2018).

Россия значительно лучше выглядит среди других стран ЕАЭС по большинству макроэкономических показателей на душу населения. Это позволяет ей оказывать финансовую помощь нуждающимся странам на двусторонней основе и через финансовые организации ЕАЭС, быть для ряда из них главным инвестором в экономику, помогать в подготовке кадров, оказывать финансовые, информационные и инжиниринговые услуги. Из-за более высоких зарплат и дефицита рабочей силы разного уровня квалификации

¹ Причины этого кризиса подробно исследованы в монографии, изданной в Институте экономики РАН в 2020 г. (Князев, Куликова, 2020).

Россия является привлекательной для трудовых ресурсов стран-партнеров. В то же время по темпам экономического роста в период 2010–2019 гг. она уступала другим странам Союза. Слабым местом России является сравнительно высокая доля уровня бедности и самая высокая среди стран ЕАЭС поляризация по доходам (по коэффициенту Джини). С учетом социального неравенства по величине ИЧР Россия занимает третье место в ЕАЭС (см. табл.).

Для экономического развития стран ЕАЭС большое значение имели характер рыночной трансформации в России и создаваемая модель экономического развития. Россия, как известно, осуществила «шоковый» вариант рыночной трансформации, одновременно широко открыв свой рынок для зарубежных товаропроизводителей. До конца 1990-х гг. в стране преобладала идея интеграции в западный мир на основе либеральной доктрины. Рыночный транзит обернулся вымыванием из экономики наиболее технологичных отраслей, усилив ее

топливно-сырьевой характер. Модель российской экономики в условиях децентрализации управления и либерализации внешней торговли определялась специализацией на производстве минеральных ресурсов и продуктов начальных технологических переделов. В этом отношении экономика России схожа с экономиками Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. При этой модели резко сократился спрос на товары из бывших союзных республик, который переориентировался на более качественный импорт из третьих стран.

Несостоятельность идеи равноправия России в западном мире была осознана в конце 1990-х гг. Слабости сырьевой модели обнажил кризис 2008–2009 гг. и последовавшая после переворота на Украине санкционная война с Западом. Проэкспортный, за счет топлива и сырья, характер экономики был дополнен политикой импортозамещения, которая начала осуществляться с середины 2000-х гг. и активизировалась в 2014 г. Политика импортозамещения фактически смыка-

Показатели макроэкономики стран ЕАЭС на душу населения, 2019 г.

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
ВВП по ППС, долл. США *	14 220	19 943	27 444	5471	29 181
Счет текущих операций по товарам и услугам, долл. США	-618	-44	775	-393	876
Инвестиции в основной капитал, долл. США **	306	1464	1760	356	1906
Прямые иностранные инвестиции, долл. США **	85,8	135,3	180,9	52,4	218,0
Сальдо трансграничных переводов физических лиц, долл. США **	170	22	-217	284	-115
Валовой внешний госдолг, долл. США **	4169	4842	8511	1291	3351
Зарплата, долл. США **	380	523	488	247	740
Безработица, %**	18,3	4,2	4,8	5,5	4,6
Уровень бедности, %**	26,4	5,0	4,3	20,1	12,3
Коэффициент Джини**	0,381	0,272	0,290	0,364	0,411
Индекс человеческого развития (ИЧР)***	0,776	0,823	0,825	0,697	0,824
ИЧР с учетом социального неравенства***	0,699	0,771	0,766	0,630	0,740
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, долл. США **	8,2	39,6	11,6	1,2	119,5
Доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли, %**	30,2	50,7	22,2	39,3	8,9
Доля взаимных переводов в их общем объеме, %**	44,7	40,3	32,2	98,0	9,3

Источник. * URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; ** URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/union_stat/Pages/default.aspx; *** URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2020-human-development-report-next-frontier-human-development-and-anthropocene>. PP. 343–350.

лась с политикой диверсификации экономики (Цухло, 2016).

Ранее, с начала 2000-х гг., в России стала восстанавливаться «вертикаль власти», формировались крупные компании с государственным участием, рассматриваемые как «институты развития», создавались свободные экономические зоны разного типа. Экономическая система страны начала изменяться в направлении китайской модели государственного капитализма и обрести гибридный характер.

Однако структурное и технологическое развитие после 2014 г. осуществляется в основном на свои, «дорогие», деньги. Это вызывает стремление бизнеса экономить на зарплатах, ограничивает его инвестиционную активность в менее доходных обрабатывающих отраслях. С другой стороны, сырьевые компании при поддержке государства вкладывают огромные средства в разведку и освоение природных ресурсов. Санкции сильно ограничили доступ к западным финансовым ресурсам и технологиям, что замедлило развитие страны и усилило ее зависимость от цен на топливо и сырье. Политика импортозамещения в санкционных условиях наиболее успешно проявила себя в аграрной, транспортной и военно-промышленной сферах, а также в химии и фармацевтике. Тем не менее «сырьевое проклятие» в сочетании с санкциями затягивает страну в «ловушку среднего дохода», что отражают низкие темпы развития, стабилизация или снижение доходов населения и трудности борьбы с социальным неравенством.

Центральное место в экономической политике РФ играют национальные цели и проекты развития, призванные сократить социальное и межрегиональное неравенство, повысить качество жизни и человеческий потенциал, создать новую и модернизировать действующую инфраструктуру, обеспечивающую внутреннюю экономическую связанность страны, решить застарелые экологические проблемы, ускорить цифровую трансформацию страны, обеспечить безопасность и целостность государства. Данные приоритеты требуют крупных бюджетных инвестиций и сохранения крепкой центральной власти при повышении качества управления.

Во внешнеэкономической сфере Россия проводит политику поворота «на Восток», концептуальной основой которого стала идея «Большого евразийского партнерства». Сложность ее реализации создают дефицит капиталов, технологий и традиции развития с «опорой на собственные силы», подпитываемые геополитическим противоборством с Западом.

Определенное место в политике параллельного развития внутреннего рынка и сдвига экономики и внешнеэкономических связей на Восток занимает проект ЕАЭС. Импортозамещение в России осуществляется с расчетом на экспорт новых товаров и услуг на внешние рынки, прежде всего стран Союза и СНГ. Однако дефицит финансовых ресурсов, интересы крупных государственных компаний и «геополитизация» внешнеэкономических связей в ряде случаев противоречат логике интеграционных процессов.

Интеграционное лидерство России сдерживают также ее ограниченные технологические возможности и западное санкционное давление. Большие проблемы для партнеров по ЕАЭС создает сильная зависимость российской экономики от конъюнктуры мировых рынков, что влияет на курс рубля и внутренний спрос на производимые ими товары.

Резкое преобладание российского рынка и российской экономики в ЕАЭС заставляет страны с небольшими экономиками опасаться экономического поглощения Россией. Кроме того, они учитывают возможность подвергнуться прямо или косвенно западным санкциям из-за сотрудничества с Россией. Определенные проблемы для стран-участниц создает «постсоветский синдром» – боязнь разрушительных для национальной экономики последствий взаимозависимости, с которыми столкнулись страны в результате распада СССР.

Низкая доля стран ЕАЭС во внешней торговле РФ в пределах 8-9%, как представляется, не дает адекватной оценки их значимости для нашей страны. Негативное влияние пандемии и связанные с ней события в странах-партнерах, вызвавшие радикализацию общественных отношений, показали важность для них всех поступатель-

ного развития ЕАЭС. Для России без этих государств практически невозможно реализовать концепцию «Большого евразийского партнерства», устойчиво развивать приграничные с этими странами регионы, которые пока в своем большинстве отстают в социально-экономическом развитии, строить новую экономику в условиях наметившихся кардинальных изменений в мироустройстве.

Интересы стран-участниц в евразийской интеграции

Преобладающее значение России во внешнеэкономических связях стран-партнеров по ЕАЭС создает впечатление у зарубежных исследователей, что это ее интеграционный проект, с помощью которого она стремится восстановить некое подобие советской империи². Такое восприятие западными учеными евразийской интеграции противоречит тому, что все решения в рамках Союза принимаются консенсусом, а также общему представлению стран-участниц о евразийской интеграции как факторе сохранения национального суверенитета. Интересы стран в евразийской интеграции определяются и ее возможностями решить или смягчить макроэкономические и структурные проблемы, с которыми они сталкиваются.

Армения. Среди рассматриваемых стран она самая маленькая по численности населения участница Союза. По географическому положению и геополитическим причинам страна несет высокие транспортно-логистические издержки при осуществлении внешнеторговых связей, что понижает производительность экономики и доходы бюджета. Фактором, сдерживающим экономическое развитие, являются большие расходы на оборону. В то же время многочисленная армянская диаспора во многих странах мира оказывает поддержку своей исторической родине. Важным ресурсом развития страны выступает довольно вы-

сокий уровень социального капитала, который не находит должного применения в стране.

Главная задача армянского государства и многочисленной диаспоры – сохранить субъектность национального государства, т. е. суверенность при принятии принципиальных решений, что рассматривается как неоспоримая ценность для абсолютного большинства армян всего мира (Ахинов, 2004). В связи с этим ведущей миссией армянского государства стала реализация стратегии «Единый разделенный народ», в рамках которой действуют механизмы его взаимодействия с диаспорой.

Основная особенность армянской экономической модели – ее нацеленность на сохранение обороноспособности страны в условиях транспортной изоляции. С этим связано хроническое отрицательное сальдо счета текущих операций. Разница покрывается иностранной помощью, помощью диаспоры и переводами трудовых мигрантов.

Сложившаяся к 2009 г. модель экономического роста, построенная на внутреннем потреблении и импортозамещении, оказалась весьма чувствительной к внешним финансовым шокам. Резкое сокращение притока внешних капиталов, прежде всего из России, и удорожание внешних заимствований сильно ударили по внутреннему спросу.

В период 2010–2015 гг. импортозамещающая модель развития была подкорректирована за счет усиления экспортной направленности ряда секторов армянской экономики: туризма, информационных технологий, транспорта и логистики, сельского хозяйства, пищевой промышленности. Благодаря господдержке наиболее перспективных для экспорта секторов экономики существенно выросла степень покрытия импорта экспортом (Вардомский, Пылин, Ильина, 2016). Сокращение бедности, однако, сопровождалось ростом внешней задолженности. Возникающие в итоге экономические и социальные дисбалансы, выражающиеся в высокой степени социального неравенства и бедности населения (см. табл.), сильно влияют на социально-политическое состояние армянского общества, что создает дополнительные риски не только для

² Балюк В. 2020. Проблемы геополитического выбора и консолидация государств «Новой Восточной Европы». *Суверенитет – безопасность – интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. Белорусская политология: многообразие в единстве*: материалы XI международной научно-практической конференции. Гродно: ГрГУ. С. 29–32.

иностранных инвесторов, но и для политической ситуации в стране.

Влияние России, которая обеспечивала безопасность страны, но не могла решить карабахскую проблему в пользу Армении, руководство страны балансировало активизацией отношений с ЕС в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1999 г., с 2004 г. – Политики европейского соседства и с 2009 г. – Восточного партнерства. В 2013 г. Армения вместе с Грузией собиралась подписать с ЕС соглашение об ассоциации и создании зоны свободной торговли, что было бы первым шагом к вступлению в ЕС. Но в 2014 г. руководство страны приняло решение присоединиться к ЕАЭС, несмотря на неприятие этого проекта значительной частью населения. Сторонниками более тесных отношений с Западом выступает около половины граждан страны, преимущественно – ее молодое поколение. Выбор ЕАЭС определялся прагматическими соображениями: обеспечение безопасности страны, возможность свободного доступа на рынок России, на которую в 2019 г. пришлось 28% ее экспорта, зависимость от поставок российских энергоносителей и вооружений по преференциальным ценам, большая армянская диаспора, свобода общения с которой является важным фактором социальной и экономической стабильности Армении, изменение геополитической обстановки в Европе и кавказском регионе. В то же время Армения имеет крайне слабые экономические связи с другими членами Союза. Тем не менее членство в ЕАЭС позволило многократно нарастить региональный экспорт: 245 млн долл. США в 2015 г. и 705 млн долл. США в 2020 г.

В 2018 г. к власти пришли прозападные политические силы во главе с Н. Пашиняном, в представлениях которых сочеталось усиление либеральных подходов в экономике, расширение сотрудничества со странами Запада, неготовность к компромиссам в решении Карабахской проблемы. При этом новые власти не решились заморозить участие в ЕАЭС и ОДКБ. Между тем пример Грузии как ассоциированного члена ЕС для многих в Армении оказался привлекательным. В частности, за 2015–

2019 гг. Грузия смогла значительно сильнее увеличить Индекс человеческого развития (с 0,790 до 0,812), чем Армения (с 0,768 до 0,776)³.

Благодаря Соглашению о расширенном партнерстве с ЕС, которое вступило в силу в 2019 г., Армения активизировала с ним экономические и гуманитарные отношения и стала активно проводить политику вытеснения России из информационного поля страны. Проведенные чистки в госаппарате и армии сказались на качестве управления и вызвали поляризацию общественных настроений. В конечном итоге это стало одной из причин поражения Армении во второй войне с Азербайджаном за Карабах (2020 г.) и последующей политической дестабилизации в Армении, которая не может быть быстро преодолена. Участие страны в ЕАЭС и ОДКБ в определенной мере сдерживает радикализацию общественных настроений в стране.

Беларусь. Страна имеет экономическую модель, в которой открытость экономики сочетается с высоким уровнем централизации управления. Главным ресурсом ее развития являются геоэкономическое положение, диверсифицированная экономика и значительный инновационный потенциал. В основе экономической модели Беларуси лежат тесные экономические связи с Россией, на которую приходится около половины внешнеторгового оборота страны – самая большая доля среди новых государств и примерно такая же часть иностранных инвестиций. Страна всегда поддерживала постсоветские интеграционные процессы, в рамках которых предполагалось использовать унаследованный экономический потенциал. Во всех стратегических документах Беларуси учитывается этот ключевой для экономического развития страны фактор. Она стремилась к более тесным отношениям с Россией, что выразилось в создании Союзного государства (СГ). Но вскоре выявилось несовпадение политических и экономических интересов. Беларусь в рамках СГ хотела бы, сохраняя суверенитет, иметь доступ к рынку и ресурсам РФ

³ URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2020-human-development-report-next-frontier-human-development-and-anthropocene>. PP. 343–350.

на уровне российских субъектов. Россия же к этому готова не была. Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования в экономической сфере от 25 декабря 1998 г. оказалось трудно исполнимым, поскольку стороны по-разному трактовали его ключевые положения. Важным итогом деятельности СГ стало создание в России разветвленной товаропроводящей сети в виде магазинов, торговых домов, сборочных производств и соответствующей логистики.

Драйвером экономического роста в 2000-е гг. стали преференции, получаемые от России в рамках СГ, в частности через реэкспорт российских углеводородов (в виде продуктов переработки нефти и газа, получаемых по льготным ценам). На этой основе значительные инвестиции направлялись в национальную промышленность и социальную сферу, отражением чего являются самые низкие показатели социального неравенства среди новых независимых государств (см. табл.).

Но произошедшие в России, а также других странах СНГ, в результате рыночной трансформации и включения в мировую экономику, структурные изменения вызвали падение спроса на многие виды продукции обрабатывающей промышленности при сохранении потребности белорусской экономики на ввозимые из России товары. В результате возникающих в связи с этим финансовых дисбалансов Беларусь при наиболее высокой экспортности экономики среди всех стран ЕАЭС имеет и наиболее высокую внешнюю государственную задолженность.

Одной из внутренних причин макроэкономической неустойчивости белорусской экономики называют чрезмерную поддержку государством малоэффективных производств и несоразмерные с возможностями экономики социальные расходы⁴ (Шурубович, 2018). В целом модель экономики Беларуси можно определить как социально ориентированную, опирающуюся на разнообразные факторы производства, но недостаточно эффективную по институтам. Высокая социальная ориентация бе-

лорусской модели развития обернулась укоренением патернализма в сознании большей части населения и утратой конкурентоспособности экономики, повышением в ее структуре доли производств с невысокой степенью обработки. С проблемой недостаточной конкурентоспособности экономики сегодня связаны замедление темпов развития экономики, финансовые трудности, стагнация доходов населения, недостаточная инвестиционная активность. За 2010–2019 гг. ИЧР Беларуси вырос меньше, чем у соседних с ней стран, а среди стран ЕАЭС она опустилась с первого на третье место, сохраняя первое место по ИЧР, скорректированному по социальному неравенству⁵.

Из-за санкционного давления на Россию, энергетического поворота, вызывающего сокращение спроса на российские углеводороды, ограничиваются ее возможности предоставлять Беларуси торговые преференции. Возникающие противоречия по поводу цен на энергоносители и объемов поставок российской нефти приводили в последние годы к постоянным торгово-экономическим конфликтам между странами. Беларусь настаивала на ускоренном формировании полноценного энергетического рынка ЕАЭС с равными ценами на энергоносители для всех субъектов объединенного рынка. Россия, в свою очередь, стремилась получать за предоставляемые преференции большую политическую лояльность белорусского руководства. Одновременно в этих конфликтах просматривалось стремление крупных российских компаний вести с Беларусью дела на коммерчески более выгодной для себя основе (Шурубович, 2018). Иными словами, целью Беларуси является сохранение суверенитета в рамках действующей экономической модели, а целью России – усиление интеграционного взаимодействия в рамках СГ. Белорусская оппозиция и страны Запада выступают против глубокой интеграции с Россией, видя в этом угрозу национальному суверенитету.

Политическая ситуация в Беларуси после выборов президента характеризует-

⁵ The 2020 Human Development Report. «The next frontier: Human development and the Anthropocene». 2020. PP. 343–350. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/2020-human-development-report-next-frontier-human-development-and-anthropocene>

⁴ Шимов В.Н. 2020. От стабильности к росту. *Банковский вестник*. № 3. С. 4–5.

ся расколом общества по отношению к сложившейся политической системе. В таких условиях страна стоит перед нелегким выбором будущего экономического развития: либо бороться за долю на внутреннем и внешнем рынках в сегменте традиционных отраслей, используя действующую модель, но получая от этого все меньшую прибыль, либо сконцентрировать усилия на инновационных производствах, порождаемых новой промышленной революцией, выпуск которых связан с большими коммерческими рисками и децентрализацией экономической и политической систем. Руководство Беларуси пытается переломить ситуацию путем ускоренной цифровизации экономики, развития логистики и модернизации энергетической базы путем строительства АЭС (Шурубович, 2019). Важной возможностью увязки внедрения новых технологий и на их основе массового выпуска инновационных товаров и услуг с формированием соответствующих рынков рассматривается согласование национальных программ развития с выделением приоритетных производств в рамках евразийской интеграции. Однако в полной мере решение этих задач невозможно без обновления экономических и политических институтов.

Казахстан. Развитие по модели «договоряющегося развития» в условиях внутриконтинентального положения требует широкого включения республики в международное сотрудничество. Идея Евразийского экономического союза, предложенная в 1994 г., принадлежит, как известно, первому президенту Казахстана Н.А. Назарбаеву, который одновременно был последовательным противником «реинкарнации» СССР.

Казахстан – один из главных партнеров России в ЕАЭС и СНГ. Совместными усилиями России и Казахстана в 2006 г. был создан Евразийский банк развития, финансирующий проекты в базовых отраслях промышленности и инфраструктуре. Деятельность банка является одним из немногих примеров эффективного проекта евразийской интеграции на основе многостороннего сотрудничества. Казахстан, имея примерно такую же модель, что и РФ, рассматривает евразийскую интеграцию как

инструмент свободного выхода на обширный рынок стран-партнеров и сообщения с мировым рынком через их транспортные коммуникации. Укреплению позиций Казахстана на мировом топливном и сырьевом рынках способствовал крупный приток капитала из третьих стран. Но его было недостаточно для желаемой диверсификации национальной экономики (Додонов, 2020). Вместе с тем за 2015–2019 гг. страна вышла на первое место среди стран ЕАЭС по величине ИЧР, что является немаловажным показателем ее развития в этот сложный период.

Взаимный товарооборот Казахстана и России заметно меньше, чем у России и Беларуси, хотя ВВП последней в 2 с лишним раза меньше, чем у Казахстана. Это обусловлено менее диверсифицированной экономикой Казахстана, преобладанием в его экспорте добывающих отраслей и продуктов, представляющих собой нижние уровни технологического передела.

К моменту подписания Договора о создании ЕАЭС Казахстану, несмотря на устранение таможенных барьеров, не удалось существенно нарастить свой экспорт на рынок ЕАЭС из-за невысокого уровня конкурентоспособности и ограниченного ассортимента выпускаемой продукции. Ситуацию не удалось переломить и за 6 лет деятельности Союза. В 2020 г. доля России в экспорте Казахстана составила 10,4%, в импорте – 34,9%. Отрицательное сальдо во взаимной торговле выросло за 2015–2020 гг. с 6 до 8,4 млрд долл. США. Это можно объяснить не только более эффективно реализуемой в РФ политикой импортозамещения, но и недостаточной конкурентоспособностью казахстанских товаров, а также более высокими административными барьерами в РФ для импорта из стран ЕАЭС. Впрочем, результаты 2020 г. отчасти детерминированы специфическими условиями глобальной пандемии. Но в любом случае Казахстан, как и другие страны ЕАЭС, становится для России важным рынком сбыта неэнергетических товаров.

В казахстанской экспертной среде распространено мнение о значительных потерях экономики страны от участия в евразийской интеграции (Мигранян, 2019).

Большая часть казахстанского общества скептически относится к евразийской интеграции. Однако, в нашем представлении, в ходе развития несырьевого сектора значимость рынка ЕАЭС для Казахстана будет возрастать.

Еще важнее для Казахстана возможность вывоза своих главных экспортных товаров на внешние рынки через транспортную сеть России. Более 90% экспорта казахстанской нефти идет по нефтепроводам Тенгиз – Астрахань – Новороссийск (КТК⁶) и Атырау – Самара, а также по железным дорогам. КТК стал первым крупным проектом России, Казахстана и крупнейших ТНК, ведущих добычу нефти в прикаспийских районах Казахстана. С 2001 по 2018 г. его пропускная способность была доведена до 67 млн т в год. Пропускная способность нефтепровода Атырау – Самара после реконструкции достигла 30 млн т.

Способность российского транспорта вывести на зарубежные рынки большую часть казахстанского экспорта вносит решающий вклад в динамичное развитие этой внутриконтинентальной страны. Одновременно Россия и Беларусь широко используют коммуникации Казахстана для сообщения с Китаем и странами Центральной Азии. Растущий транзитный потенциал страны и ее ориентация на экспорт транспортно-логистических услуг – одна из характерных особенностей современной модели Казахстана.

В условиях внутриконтинентального положения важным фактором развития республики выступают отношения с Китаем, для которого Казахстан – это ворота в регион, богатая ресурсная база, объемный рынок, крупный торгово-инвестиционный партнер. В конце 2015 г. главы Казахстана и Китая представили инициативу по сопряжению Экономического пояса шелкового пути и новой экономической политики Казахстана «Нурлы Жол». Казахстану для решения своих стратегических задач в эко-

номике важны отношения с ЕС, Турцией, США, Японией. Многовекторную внешнюю экономическую политику страна реализует параллельно с либерализацией политической и экономической систем. Одним из проявлений этого стало открытие в 2018 г. Международного финансового Центра «Астана», который позиционируется как финансовый хаб для стран ЕАЭС, Центральной Азии, Кавказа, Ближнего Востока, Западного Китая, Монголии и Европы.

Кыргызстан. Если учесть, что эта страна с самой маленькой экономикой в ЕАЭС располагается в глубине Евразии, вдали от международных коммуникаций, а главными экономическими партнерами являются Россия и Казахстан, то ее участие в евразийской интеграции выглядит вполне естественно. Этот выбор руководством страны был сделан в 2011 г. в условиях Таможенного союза. Несмотря на все внутренние политические сложности, периодически дестабилизирующие ситуацию в стране, антиевразийскую риторику и прокитайское лобби, республика присоединилась к ЕАЭС в конце 2014 г. (Договор о присоединении вступил в силу в августе 2015 г.).

Сложившаяся в стране модель экономики, построенная на экспорте трудовых ресурсов, вполне сопрягается со значительно более крупными экономиками России и Казахстана (Боконбаева, 2020). За несколько лет нахождения страны в составе ЕАЭС приток денежных переводов из РФ в Кыргызстан вырос с 1,6 до 2,6 млрд долл. США в 2018 г. и 2,4 млрд долл. США в 2019 г. Даже в сложных условиях 2020 г., по данным Национального банка Кыргызской Республики, объем денежных переводов составил 2,38 млрд долл. США (первые пять месяцев 2020 г. показатель падал, однако с июня объемы денежных переводов стабильно росли и во второй половине года превышали значения 2019 г.⁷).

Торговля Кыргызстана со странами Союза растет пока медленнее, чем хотелось бы, из-за транспортно-логистических проблем и трудно меняющейся структуры экономики страны. Традиционные товары аграрного экспорта не могут дать существен-

⁶ КТК – международный нефтетранспортный проект с участием России, Казахстана, а также ведущих мировых добывающих компаний, созданный для строительства и эксплуатации магистрального трубопровода протяженностью более 1,5 тыс. км. В систему КТК поступает нефть в основном с обширных месторождений Западного Казахстана, а также сырье российских производителей.

⁷ URL: <https://ru.sputnik.kg/economy/20210209/1051389579/kyrgyzstan-migranty-perevody.html>

ный прирост кыргызского экспорта в партнерские страны. В импорте Кыргызстана в 2020 г. на долю ЕАЭС пришлось 50,3%, большую часть импорта составляют поставки из РФ и Казахстана. Крупным поставщиком товаров на рынок страны продолжает оставаться Китай.

В экспорте на долю стран ЕАЭС в 2019 г. пришлось около трети, в 2020 г. – 27,8%. При этом доля Китая в экспорте Кыргызстана составляет 2-4%. Ведущим покупателем основного товара экспорта, золота, является Великобритания, на которую в 2020 г. пришлось около половины экспорта страны. Без учета золота почти весь кыргызский экспорт направляется в РФ и Казахстан.

Характерная особенность кыргызской модели догоняющего развития – постоянный дефицит ресурсов для реализации программ по развитию тех или иных отраслей хозяйства (Тураева, 2016). Как правило, он покрывается внешними заимствованиями, в результате которых у Кыргызстана образовался весомый внешний (государственный) долг. Основные кредиторы страны (по состоянию на начало 2021 г.): Китай (42,2%), Группа Всемирного банка (16%) и Азиатский банк развития (14,2%)⁸, что является особой институциональной характеристикой национальной модели развития страны.

Для республики также весьма существенны поддержка России по поставкам нефтепродуктов, а также объем оказываемой безвозмездной помощи, в том числе для таможенного и пограничного контроля. В 2014 г. между Правительствами Кыргызской Республики и Российской Федерации было подписано Соглашение об учреждении Российско-Кыргызского Фонда развития. Согласно отчетам фонда, на конец 2019 г. число одобренных проектов достигло 2351 на общую сумму в 379,4 млн долл. США⁹.

Отдельного внимания требуют периодически возникающие политические кризисы, которые отражаются на экономике Кыргызстана. После революций 2005 и 2010 гг., конституционной реформы и достижения кон-

сенсуса между правящими элитами и политическими силами внутри страны осенью 2020 г. в республике вновь произошла смена власти. Политическая нестабильность обусловлена слабостью центральной власти, высокой степенью коррупции, бедностью населения и растущим социальным неравенством (см. табл.). Она является главным препятствием для притока внешних инвестиций. Несмотря на благоприятный для бизнеса климат, наличие свободных экономических зон и довольно либеральные, по сравнению с другими странами региона, условия ведения бизнеса, хрупкость и неустойчивость политических режимов мешают планированию и ведению деловой деятельности в Кыргызстане даже в среднесрочной перспективе. По некоторым показателям социального развития республика подтянулась к странам – лидерам ЕАЭС, однако требуются усилия Союза по расширению поддержки систем образования, здравоохранения, кредитно-банковской системы и других отраслей экономики.

Евразийская модель интеграции – достижения и проблемные точки

Становление евразийского интеграционного проекта происходило и происходит в неблагоприятных внешних условиях: раскол постсоветского пространства по интеграционным и внешнеполитическим приоритетам, геополитический конфликт России и Запада, неустойчивая динамика глобальной экономики и цен на углеводороды и, наконец, пандемия COVID-19, вызвавшая сокращение международных экономических и социальных связей и нарастание напряженности в мире.

Деятельность Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) по реализации евразийского интеграционного проекта с момента возникновения концентрировалась на устранении барьеров на пути взаимной торговли путем принятия Таможенного кодекса ЕАЭС, устранения нетарифных барьеров, перехода к единым техническим регламентам, расширения сферы использования во взаимных расчетах национальных валют¹⁰. Предполагалось, что устранение тарифных и нетариф-

⁸ URL: <http://minfin.kg/ru/novosti/mamlekettik-karyz/tyshky-karyz/struktura-gosudarstvennogo-vneshnego-dolga-krpo-s7097>

⁹ URL: <https://www.rkdf.org/sys/media/download/8951/>

¹⁰ Национальные валюты во взаимных расчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы. 2018. Доклад № 48. СПб.: ЦИИ ЕАБР. С. 19.

ных барьеров позволит устойчиво увеличить взаимную торговлю и таким образом стимулировать рост национальных экономик. Однако эти ожидания оправдались лишь частично. По данным ЕЭК, бурный рост торговли, измеряемой суммарным взаимным экспортом 5 стран, после установления режима Таможенного союза (с 50,1 млрд долл. США в 2010 г. до 66,5 млрд долл. США в 2011 г.) в 2012 г. замедлился, а затем до 2016 г. сменился ее сокращением¹¹. В 2017 г. объем взаимной торговли начал расти и в 2019 г. достиг 61,6 млрд долл. США. В 2020 г. он заметно сократился до 54,9 млрд долл. США¹². Но это сокращение в относительном выражении было меньше, чем у внешнего товарооборота ЕАЭС с третьими странами.

Причины неустойчивой динамики взаимной торговли имеют не только внешний, но и внутренний характер. Среди них сложности устранения барьеров на пути взаимной торговли: вместо одних появляются другие, что отражает приоритетность поддержки национальных производителей. Также это структурные ограничения: взаимные экономические связи стран ЕАЭС, опирающиеся на советское экономическое наследие, аграрно-климатические, природно-ресурсные и демографические различия, постепенно ослабевают. Основным фактором модернизации экономик стран-участниц и изменения товарной структуры взаимной торговли является импорт технологий из третьих стран. Создаваемые на этой основе производства требуют гарантированного сбыта, что призван обеспечивать общий рынок ЕАЭС. Чем шире приток технологий из третьих стран, тем разнообразнее основа торговых связей внутри ЕАЭС, но при условии координации национальных отраслевых политик (Гурский, 2018). В случае ее отсутствия или недостаточности возникают экономические противоречия, которые обусловлены разными формами поддержки своих производителей, несовпадающими интересами в вопросах защиты общего рынка, разными уровнями налогов и сборов, пониманием сути общего рынка и

принципов ценообразования на нем, несогласованной валютно-курсовой политикой.

Рост взаимных торговых потоков сдерживало также вступление России (2012 г.) и Казахстана (2015 г.) в ВТО на условиях, существенно понижавших изначально установленный внешний таможенный тариф, что повысило привлекательность на общем рынке ЕАЭС товаров, импортируемых из третьих стран (Вардомский, 2019).

К успехам ЕАЭС за 2015–2020 гг. следует отнести формирование общего таможенного пространства, хотя и с рядом изъятий и исключений, создание системы защиты внутреннего рынка от демпингуемых и некачественных товаров, сближение уровней развития и доходов населения стран-участниц за счет трудовых миграций и финансирования бизнес-проектов как из многосторонних, так и из двусторонних фондов их поддержки, образованных при участии России и Казахстана, создание общего рынка труда и предоставление социальных гарантий гражданам стран-участниц на всем пространстве Союза¹³.

В целом сложившаяся модель интеграции с некоторыми ограничениями обеспечивает свободу движения товаров и людей через внутренние границы, транзитные сообщения разной географической направленности и деятельность общего рынка труда, но в то же время не стимулирует должное развитие и углубление производственной и технологической специализации стран-участниц, что было зафиксировано в Докладе ЕЭК «О реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза». В документе обосновывается необходимость ускорения интеграционного процесса, поскольку прошедшие 5 лет с момента запуска проекта евразийской интеграции оказались не вполне удачными с точки зрения «темпов евразийской интеграции»¹⁴.

В «Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС» от 6 декабря 2018 г. ставится задача превра-

¹¹ Речь идет о суммарном объеме взаимного экспорта пяти стран ЕАЭС.

¹² Оценивая эту динамику, следует учитывать, что на стоимостной объем взаимной торговли ЕАЭС в текущих долларах сильное влияние оказывает динамика внешне-торговых цен и курсов национальных валют.

¹³ Винокуров Е.Ю. 2020. Приоритеты евразийской интеграции. URL: https://eabr.org/upload/iblock/ac6/Vinokurov_Priority-evraziyskoy-integratsii.pdf

¹⁴ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018

щения ЕАЭС в один из наиболее значимых центров современного мира путем как углубления евразийского интеграционного процесса, так и расширения взаимовыгодного сотрудничества с третьими странами. Углубление евразийского интеграционного процесса в «Декларации» виделось через повышение эффективности единого рынка ЕАЭС, ускоренное внедрение цифровых технологий, создание системы управления и финансирования совместных кооперационных проектов, ориентацию интеграции на повышение качества жизни населения¹⁵. Решение второй задачи было найдено в образовании сети зон свободной торговли между ЕАЭС и заинтересованными странами. На 2020 г. подписаны соглашения о создании таких зон с Вьетнамом, Ираном, Сербией и Сингапуром.

Идеи, заложенные в Декларации, в развернутом виде были изложены в недавно принятых «Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»¹⁶. В документе определены новые инструменты и сферы сотрудничества, призванные преодолеть трудности в наращивании связей по линии производственной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий. Его положения позволят принимать системные решения по развитию интеграционного процесса, сближению уровней социально-экономического развития стран-участниц, совершенствованию регуляторной сферы, что до минимума сократит число барьеров на пути интеграции. Намеченные меры, с одной стороны, усилят социальную нацеленность евразийской интеграции, а с другой – укрепят позиции ЕАЭС в мировой экономике. В период 2021–2024 гг. Союз продолжит развитие как «вширь», так и «вглубь», но на более сбалансированной основе в виде совместного развития экспортных производств и импортозамещения. Первым примером таких совместных действий стало налаживание производств противокоронавирусной вакцины в Беларуси и Казахстане на основе российских разработок. Большие перспективы для евразийской интеграции создает намеченное в «Стратегических направле-

ниях» создание гибких механизмов целевого содействия экономическому развитию, используя для этого потенциал ЕАБР, Евразийского фонда стабилизации и развития, Международного финансового центра «Астана». По существу, речь идет об усилении корпоративного уровня интеграции при повышении качества межгосударственных взаимодействий.

Большое внимание в документе уделено сопряжению стратегии развития ЕАЭС и китайского мегапроекта «Пояс и путь». Эти два проекта в значительной мере дополняют друг друга в контексте более эффективного использования транзитного потенциала ЕАЭС для трансматериковых перемещений грузов и людей по широтным и меридиональным международным транспортным коридорам наиболее быстрым способом. Занимая центральное положение в географической Евразии, ЕАЭС при широком сотрудничестве с КНР, другими странами Азии и Европы мог бы превратиться в центральное звено «всеобъемлющего континентального партнерства»¹⁷.

«Стратегические направления» представляют собой, по сути дела, систему мер совместной экономической политики, нацеленной на более широкое использование центрального положения ЕАЭС в географической Евразии. Совместное освоение срединного положения в Евразии в обозримом будущем может превратиться в важный фактор экономического развития стран – участниц Союза, что позволит преодолеть сдерживающее влияние внутриконтинентальности и связанные с этим геополитические риски для развития национальных экономик.

Современная высокотехнологичная цифровая инфраструктура, транспортные пути и логистика станут предпосылками для роста взаимодополняемости экономик стран ЕАЭС, дадут возможность наладить широкую производственную кооперацию и на этой основе расширить экспортный потенциал товаров и услуг для третьих стран.

В условиях санкционных ограничений в отношении России и других стран ЕАЭС, перехода мира к низкоуглеродной («зеле-

¹⁵ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018

¹⁶ Документ был утвержден Высшим Евразийским экономическим советом 11 декабря 2020 г.

¹⁷ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12

ной») экономике, которая может значительно уменьшить существующие источники доходов практически для всех стран, геополитической напряженности и передела рынков согласованное скоординированное использование пространства ЕАЭС и преимуществ его положения фактически создает новую платформу устойчивого взаимодействия государств, национальных обществ и бизнеса, позволяет повысить долю интеграционной составляющей в национальных моделях развития экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

- Ахинов Г.А.** 2004. Армения в условиях неопределенности. *Россия в глобальной политике*. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/armeniya-v-usloviyah-neopredelennosti/> [Ahinov G.A. 2004. Armenia in the face of uncertainty. *Rossiia v global'noy politike*. No 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/armeniya-v-usloviyah-neopredelennosti/> (In Russ.)]
- Боконбаева А.К.** 2020. О перспективах развития экономики Кыргызской Республики. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. Т. 20. № 3. С. 19–22. [Bokonbaeva A.K. 2020. On perspectives of Kyrgyz economy's development. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*. Vol. 20. No 3. PP. 19–22. (In Russ.)]
- Вардомский Л.Б.** 2019. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития. *Российский внешнеэкономический вестник*. № 4. С. 110–126. [Vardomsky L.B. 2019. Eurasian Integration: Some Results and Possible Development Scenarios. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*. No 4. PP. 110–126. (In Russ.)]
- Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю.** 2016. *Экономика Армении: идеи, модели и результаты развития*. Москва: Институт экономики Российской академии наук. 59 с. [Vardomsky L.B., Pylin A.G., Ilyina M.Yu. 2016. *Economy of Armenia: The ideas, models and development results*. Moscow: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 59 p. (In Russ.)]
- Вардомский Л.Б., Соколова Т.В.** 2020. Социальные детерминанты евразийской интеграции. *Мир перемен*. № 1. С. 131–147. [Vardomsky L.B., Sokolova T.V. 2020. Social determinants of Eurasian integration. *Mir peremen*. No 1. PP. 131–147. (In Russ.)]
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О.** 2020. О специфике национальных моделей экономики в постсоветских странах. *Государственная служба*. Т. 22. № 4. С. 73–81. [Vardomsky L.B., Turaeva M.O. 2020. On specificity of national economic models in the post-soviet countries. *Gosudarstvennaya sluzhba*. Vol. 22. No 4. PP. 73–81. (In Russ.)]
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О.** 2018. *Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов*. Москва: Институт экономики Российской академии наук. 66 с. [Vardomsky L.B., Turaeva M.O. 2018. *Development of the post-soviet transport corridors in terms of contemporary geopolitical and economic challenges*. Moscow: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 66 p. (In Russ.)]
- Вергинская Т.С.** 2020. Совершенствование наднационального механизма регулирования в ЕАЭС в аспекте реализации новых направлений экономической интеграции. *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы*: сборник научных статей. Т. 2. Минск: Право и экономика. С. 8–17. [Vertinskaya T.S. 2020. Improving of the supranational regulatory mechanism in the EAEU in terms of implementing new areas of economic integration. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizatsii i perspektivy*: sbornik nauchnykh statey. Vol. 2. Minsk: Pravo i ekonomika. PP. 8–17. (In Russ.)]
- Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С.** 2014. *Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост*. Москва: Институт экономики Российской академии наук. С. 7–14. [Glinkina S.P., Kulikova N.V., Sinitsina I.S. 2014. *Countries of Central and Eastern Europe: European Integration and Economic Growth*. Moscow: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. PP. 7–14. (In Russ.)]
- Гурский В.Л.** 2018. Сравнительный анализ моделей промышленных политик государств – членов ЕАЭС на основе критериев их целевой результативности. *Экономическая наука сегодня*. № 8. С. 229–244. [Hursky V.L. 2018. Comparative analysis of models of industrial policy of members states of the EAEU based on criteria of theirs target effectiveness. *Ekonomicheskaya nauka segodnya*. No 8. PP. 229–244. (In Russ.)]
- Додонов В.Я.** 2020. Инвестиционная активность ведущих стран мира в Казахстане. *Россия и новые государства Евразии*. № 3. С. 94–113. [Dodonov V.Ja. 2020. Investment activity of the leading countries of the world in Kazakhstan. *Rossiia i novye gosudarstva Evrazii*. No 3. PP. 94–113. (In Russ.)]
- Князев Ю.К., Куликова Н.В.** (Ред.). 2020. *Кризис в Европейском союзе: последствия для стран Центрально-Восточной Европы*. Москва: Институт экономики Российской академии наук. 358 с. [Knyazev Ju.K., Kulikova N.V. (Eds.) 2020. *Crisis in the European Union: consequences for CEE countries*. Moscow: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 358 p. (In Russ.)]

Мигранян А.А. 2019. Эффекты евразийской интеграции для Казахстана: pro et contra. *Евразийская интеграция в турбулентном мире*. СПб.: Алтейя. С. 172–184. [Migranyan A.A. 2019. Effects of Eurasian integration for Kazakhstan: pro et contra. *Eoraziyskaya integratsiya v turbulentnom mire*. St. Petersburg: Aletheia Publishing House. PP. 172–184. (In Russ.)]

Миллер А., Лукьянов Ф. 2017. Сдержанность вместо напористости: Россия и новая мировая эпоха. *Россия в глобальной политике*. Т. 15. № 4. С. 104–122. [Miller A., Luk'janov F. 2017. Restraint instead of assertiveness: Russia and the new world era. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 15. No 4. PP. 104–122. (In Russ.)]

Тураева М.О. 2016. *Экономика Киргизии: институты и ресурсы развития*. Москва: Институт экономики Российской академии наук. 50 с. [Turaeva M.O. 2016. *Kyrgyz Economy: Institutions and Development Resources*. Moscow: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. 50 p. (In Russ.)]

Цухло С.В. 2016. Проблемы и успехи импортозамещения в российской промышленности. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 147–153. [Tsukhlo S.V. 2016. Challenges and successes of import substitution in the Russian industry. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No 4. PP. 147–153. (In Russ.)]

Шурубович А.В. 2018. *Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы*. Москва: Институт экономики Российской академии наук. С. 61–78. [Shurubovich A.V. 2018. *Economic interaction between Russia and Belarus: integration projects and national interests*. Moscow: Institut ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. PP. 61–78. (In Russ.)]

Шурубович А.В. 2019. Белоруссия в ЕАЭС: тенденции, проблемы, перспективы. *Россия и современный мир*. № 4. С. 91–110. [Shurubovich A.V. 2019. Byelorussia in the EAEU: trends, problems, prospects. *Rossiya i sovremennyy mir*. No 4. PP. 91–110. (In Russ.)]

In citation: *Belorusskiy Ekonomicheskii zhurnal*. 2021. No 3. PP. 15–28.

Belarusian Economic Journal. 2021. No 3. PP. 15–28.

EURASIAN INTEGRATION IN THE CONTEXT OF PARTICIPANTS' ECONOMIC DEVELOPMENT MODELS

Leonid Vardomskiy¹, Madina Turaeva¹

Author affiliation: ¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Corresponding author: Leonid Vardomskiy (wardom@yandex.ru).

ABSTRACT. The article analyzes characteristics of the economic models of the EAEU countries in the context of their involvement in Eurasian integration. The differences of states' interests in the integration project are revealed, due to their level of development and economic management, understanding of the tasks of national development and their place in a rapidly changing world. The achievements and challenges encountered are disclosed. Suggestions were put forward to strengthen the social orientation of Eurasian integration and to take an advantage of the central position of the EAEU in geographical Eurasia, which in the foreseeable future may turn into a platform for sustainable interaction between states, national communities and business.

KEYWORDS: EAEU, integration, barriers, economic model, EU, geopolitics, sanctions, institutions.

JEL-code: E02, F02, F53, N24, P52.

DOI: 10.46782/1818-4510-2021-3-15-28

Received 6.04.2021

